

Анна Полосина

**С ВИДОМ
НА ГЛАВНУЮ УЛИЦУ
СТРАНЫ**



О НОВОЙ КНИГЕ АННЫ ПОЛОСИНОЙ

Третья по счёту книга Анны Полосиной открывает новый ракурс в творчестве интересного молодого автора. Эскизность почерка, современность словаря, нетривиальная концентрация смыслов остались такими же, как и в предыдущих книжках («Зимние кроссовки для бега по пересечённой местности» — часть I и часть II). Но тематика и ракурс взгляда автора изменились: если те более всего напоминали развёрнутые рекомендации для девушек, которые собираются обращаться в английские агентства знакомств с целью безопасно и быстро найти спутника жизни, то новые тексты содержат наброски портретов ярких персонажей эпохи 90-х годов прошлого века в Москве. Специфика в том, что большинство из тех, чьи портреты собраны под обложкой новой книжки А. Полосиной, так называемых «экспатов» — иностранцы, которые именно в эти годы начали массово приезжать к нам в Москву на работу в только что открытые американские бизнес-центры и прочие новообразования.

Про это время, часто обозначаемое кратко: «лихие девяностые», информация по сути однобокая — как время тяжкого выживания, вплоть до голодания. Новая книжка Полосиной демонстрирует целую серию портретов тех, кто приехал к нам «помогать» налаживать жизнь, преимущественно в Москве, по новым правилам. Тем интереснее впечатления соотечественницы, оказавшейся коллегой людей с другим менталитетом. Ритмический поток смыслов, яркие, подчас беспощадные контуры судеб тех, с кем свела жизнь, воссоздают облик времени юности автора, совпавшей с последним десятилетием прошлого века, содержат сопоставительный анализ культурных кодов. Интересны и наблюдения над некоторыми соотечественниками в новых условиях жизни в городе — например, бизнес по сдаче квартир внаём иностранцам... Безусловно привлекает острое чувство юмора автора и тонкая самоирония. Редкий случай, когда при чтении хочется сказать не «короче», а наоборот: «подробнее, пожалуйста». Это интересно, а в чём-то и поучительно...

Вера Салехова

Оглавление

Вера Салехова. О новой книге Анны Полосиной	111
Вступление	113
Глава 1	
С видом на Красную площадь.	113
Глава 2	
История Наоми О.	117
Глава 3	
Сектанты	123
Глава 4	
California Dreaming	127
Глава 5	
Зеркало русской революции.	128
Глава 6	
Женщина из будущего	129
Глава 7	
Ночь перед Рождеством	133
Глава 8	
Стакан сока.	135
Глава 9	
Просто ты летишь на свет	139
Глава 10	
Экзамен по истории	141

Вступление

Вот скажите, есть ли вещи в других, которые мы презираем больше, чем глупое бахвальство и неуместное хвастовство? Почему нам всегда чудится в этом смесь жалкой неустроенности рассказчика и отчаянное желание спрятать её от себя? Отчего мы не готовы простить мелкое прегрешение пошлого тщеславия? Не оттого ли, что сами являемся носителями патогенного социального вируса, но полагаем, что у нас лучше получается справляться с подавлением внешней симптоматики и камуфлировать токсичные проявления? Будем считать эту словесную инъекцию небольшим антидотом, необходимым перед моим рассказом о знакомствах с богатыми и знаменитыми. Истории такого рода составляют золотую коллекцию любого человекообразного павлина, так что будьте снисходительны...

Глава 1

С видом на Красную площадь

В студенческие годы факт, что я курю, приходилось скрывать дома. Для родных курение было в том же ряду, что выходы на панель, так что их тоже приходилось скрывать. Шутка. Не знаю даже, что из этих двух социально безответственных дел порицалось больше, если бы возникла коллизия, при которой пришлось бы выбирать. Вполне возможно, что и курение. Короче, всё как сейчас, но уже в планетарном масштабе, а для той поры это была крайне передовая точка зрения. Дома я, как вы догадались сами, не курила, сигареты и зажигалки были всегда упакованы в пластиковые пакетики, на случай, если бы выпали из сумки. Пропахшая табаком одежда и волосы объяснялись повсеместным курением окружающих. По выходным на перекуры из дома было не отлучиться, но иногда хотелось, так что приходилось полагаться на коммуникативные навыки. Было у меня две отмазки: пошла к Художнику посмотреть новые картины, пошла к Галине Антоновне за пятым томом «Капитала». Галина Антоновна была сильно экстравагантной дамой: съехавшая вбок кулебяка на голове, криво застёгнутое пальто, поплывший макияж, фрагментарная речь, бессмысленные речитативы. В миру дочь сталинского наркома преподавала политэкономии социализма. Соседи её вежливо сторонились, сходясь в общем мнении — «полоумная». Мне она была рада, томик политидеологического классика, официальный предлог визита, давал ей

свободные уши и общение с уважительным собеседником. И то и другое было явно в дефиците. Но меня всё устраивало. Под предлогом визита к ней мне удавалось ушмыгнуть на пару часов, я была спокойна, никому не пришло бы в голову добровольно звонить полоумной, чтобы выяснить, где я и почему так долго не возвращаюсь. Итак, оставим пока Галину Антоновну до лучших времён, а они к ней скоро придут, вы уж поверьте, и поднимемся наверх, в мастерскую известного Художника.

Знакомством с Художником дорожили все соседи, был он достаточно молод, лет около 35, но серьёзно признан: наличие огромной мастерской на главной улице страны, персональные выставки в государственных музеях, хотя никаких частных музеев и галерей тогда и не было, участие в зарубежных экспозициях. При этом творчество было идеологически нейтральным, в основном акварельные пейзажи. При хорошем росте и неплохих внешних данных назвать Кожемяку интересным мужчиной было бы затруднительно, это не позволяли сделать нефактурность, плешивость и какая-то внутренняя суетливость исходника. А может, я просто проецирую своё отношение, кто знает. Короче, ходить к Художнику было поинтереснее, чем к Галине Антоновне, чего там. Но у Художника дефицита посетителей и общения не наблюдалось вообще, имелся избыток и первого, и второго, не хватало просто времени. Посмотреть картины и выкурить одну сигарету у некурящего Кожемяки раз в месяц было можно, но злоупотреблять визитами не стоило. И я предложила сделку. Кожемяка жаловался на сложности с моделями, и я предложила себя. Да, помимо пейзажей, болот и полей занимался он ещё и станковой живописью, писал эпохальные полотна из серии «Русь исходящая». Многофигурные групповые композиции выглядели однотипно: шеренга дореволюционных селян с блекло-понурыми лицами чешет навстречу зрителю, а по задумке автора — в унылую безысходность. Писались селяне в основном из головы, но разредить их живыми моделями было в творческих задумках Художника, и я была готова стать частью замысла. Итак, мне было предложено поверх джинсов и футболки натянуть бесформенный полотняный балахон и обмотать голову скипидарной тряпкой. Посмотреть в зеркало и оценить готовый образ не особо хотелось. Короче, вначале я немного попозировала стоя, чтобы Художник наметил контуры силуэта, а потом можно было сесть для продолжения портретной части. Пока я позировала, Кожемяка развлекал меня рассказами. Живала в нашем подъезде одна кинозвезда, точнее — кинозвездой она была лет за пятнадцать до текущих событий, на пике своей карьеры девушка вышла в кэш, вступив в законный брак с известным режиссёром. Он занимал важную роль в театральной экосистеме Москвы, заваливал работу любого театра, куда приходил главным режиссёром: через полгода после его назначения, зритель в театр ходить переставал. Работа трёх известных

творческих коллективов была уже завалена, и на момент описываемых событий он приступил к развалу Малого театра. Мой остроумный дядя предположил, что следующим местом назначения будет Большой, дабы наконец уравновесился спрос и предложение в главном храме искусства страны. Но это я отвлеклась. Итак, актриса была в юности хорошенькой, не более, но флёр звезды, даже давно закатившейся, сам по себе творит чудеса. Актриса со всеми окружающими общалась запанибрата и в повелительном наклонении, в соседях видела неисчерпаемый ресурс для решения бытовых вопросов, у Кожемяки, в частности, она попросила ночное пристанище для своей второй домработницы. «Вам же мастерская на ночь не нужна? Пусть она тут спит, заодно может убраться или что-то по хозяйству сделать». Кожемяка не мечтал обсуждать с дамочкой, почему именно он против такого разворота дел, ретировался и стал бегать. Как, впрочем, и остальные. Идти на прямую конфронтацию желающих не было, себе дороже. Ладно, не суть. А суть была в том, что после второго или третьего позирования, когда работа над моей портретной частью была закончена, и я как раз снимала антуражное рубище, Кожемяка полез с поцелуями. Было неприятно, но не в смысле Me Too¹, дело было не в этом. Я, наверное, не упомянула, что Кожемяка был женат, ну то есть кольцо на пальце имелось. Будь он холост, я бы очень красиво его отшила в своей манере: «А вы что, жениться на мне хотите? Вот бабушка-то обрадуется. Можно я ей расскажу?», — а так мне пришлось молча выскользнуть и уйти домой. Без острой реплики на выход. Вот, кстати, не знаю, полез бы Кожемяка, будь он холост. Провинциальных охотниц за женихами такие, как он, обходить стороной умели, хотя и неизменно в конечном счёте попадали в их сети. Диалектика. После этой истории Кожемяку я старательно избегала, потом я уехала и иногда встречала на улице. За годы жизни он создал школу своего имени, ещё сильнее обрюзг и облысел, приженился в очередной раз и обзавёлся восьмым ребёнком от пятой жены. В интервью любит посетовать, что дети между собой почему-то не дружат и даже не очень общаются.

Итак, вернёмся в мои юные годы. После истории с Художником мне пришлось с удвоенной силой задруживаться с Галиной Антоновной. Страна ускороенно менялась, и к моменту моего окончания университета, когда я пошла работать, изменилась до неузнаваемости. Галина Антоновна больше не ссужала томиками «Капитала», она залавливала меня в подъезде и впивлялась с бизнес-проектом, как сдать каким-нибудь моим знакомым иностранцам комнаты по типу bed and breakfast, завтраки она предлагала готовить сама. Преподавание политэкономии социализма стало резко неактуальным, но

¹ Me Too (или MeToo) – движение, направленное против насилия и домогательств.

съезжать из насиженного семейного гнезда Галина Антоновна не желала. Проект был категорически нежизнеспособен. Никто не был готов за доллары делить кров с Галиной Антоновной, а от вида её стряпни замутило бы даже сильно голодающего соотечественника. Но сказать ей суровую правду прямым текстом не хватало духу, да и не стоило, жизнь всё расставила по местам, и Галине Антоновне пришлось съехать на временный постой. Квартиру занял один иностранец, потом другой, потом третий. Подъезд заполонила мягкая мебель в целлофане, купленная для одного арендатора и выставленная следующим, получился такой, как сказали бы сейчас, лаунч². Парочки из числа припозднившихся богемных гостей талантливого актёра, потомственного алкоголика, любили там зависнуть — не всегда с приличными намерениями — короче, жизнь шла. Лет через пятнадцать, случайно увидев меня в подъезде, Галина Антоновна привычно прицепилась с вопросом, нет ли у меня знакомых иностранцев, желающих снять центровую квартиру у одинокой интеллигентной дамы. В принципе, это не мой профиль, но ко мне как раз днями обращались с вопросом, и я решила поспособствовать. Итак, я вела смотреть квартиру известного американского врача, сына министра правительства Кеннеди. В этом факте, собственно, и состояла интрига. Разумеется, ни одна из сторон не была знакома с генеалогией другой, да и не то чтобы интересовалась. Доктор Галине Антоновне понравился, а ему понравилась квартира, я держала нейтралитет и с удовольствием наблюдала со стороны, что получилось в результате падения железного занавеса: сын министра правительства Кеннеди и дочка сталинского наркома отчаянно торговались за 250 долларов в месяц, уступить никто не хотел, сошлись ровно на середине. Хотя, зачем я вру, уступила империя зла. Уж больно хорош был врач, тут тебе и клиника в Монако, и принц Альберт в друзьях. Галина Антоновна была очарована, особенно после малокультурных заморских коммивояжёров, с которыми обычно приходилось иметь дело. Не знаю, как вы, а я её понимала. Что тут скажешь: мужчины такого калибра, в особенности одинокие, всегда хозяева мира, им охотно пойдут на уступки. Ну, во всяком случае, процентов десять от заявленной цены скинут точно. Друг принца Альберта сбил даже больше, что не помешало ему впоследствии исчезнуть из поля зрения и вновь вернуться к охмуренной и раздосадованной хозяйке, когда сделка была закрыта. Средней руки испанец, сотрудник пивной компании, с многочисленным семейным кагалом уже занял апартаменты легендарного сталинского наркома.

²Lounge (англ.) – салон, зал.

Глава 2

История Наоми О.

Поговорим просто так, ну хотя бы про подкаты женатиков. Вот вы заметили, что женатики особенно любят очень молодых девушек и совсем взрослых дамочек. Видимо, в первой категории они видят лёгкую добычу, а во второй — отсутствие серьёзных проблем, но дело, конечно, не в мужчинах, ответственные за такой порядок вещей только женщины. Дочитав до конца эту историю, вы можете подумать, что я не очень высокого мнения об англичанах, скажу честно — это так, я особенно невысокого мнения об англичанах по сравнению с американцами. Как правило, за каждым стихийным социологическим заявлением, даже если рассказчик подкрепит его статистическими выкладками, стоит личный опыт, и я готова поделиться своим. Как-то в далёком девичестве я познакомилась с красавцем-англичанином, корреспондентом ВВС, работающим в горячих точках планеты. Да, именно такие сочетания на меня всегда действовали убийственно, знаете, как вылетают электрические пробки, ну вот — примерно так же. Но перед тем, как пробки вышибло окончательно, я всё же успела с ним сходить на пару свиданий, в промежутке получить звонок с театра военных действий и напрямую выяснить вопрос, женат ли юноша, точнее — я задала вопрос иносказательно, имеет ли он семью. Ответ получился развёрнутый, мне было рассказано о папе, маме и сестре, прямой вопрос о жене я не задала, считая его неприличным, но по ответу поняла, что жены нет. Если бы на следующее утро после первой ночи я не обнаружила в ванной комнате спрятанное обручальное кольцо, тогда господа присяжные заседатели могли бы сказать, что, отвечая на прямой вопрос, журналист не врал. Но он врал. Кольцо вызвало новую порцию вранья, крайне неоригинального, типа, жена есть, но с ней он не живёт. Я ушла в гневе. Через месяц пришло письмо на рабочий адрес, отправитель сетовал, что врал мне про жену, и даже извинялся. А чего бы и не извиниться, когда понятно, что продолжения всё равно не последует. Ровно через три месяца я познакомилась с тихим американцем, да не с красавцем-корреспондентом, а с банальным менеджером телекоммуникационной деланки на корпоративной ниве. Он практически сразу позвонил и пригласил на ужин. После истории с женатым холостяком я, уже стреляный воробей, стала задавать вопрос напрямую, без экивоков и до согласия на встречу: «Вы женаты?» «Да», — последовал ответ. — «С женатыми не встречаюсь». — «Понял». Он не стал рассказывать, что с женой не живёт, вообще рассусоливать и грузить какой-то мутью. Но вы знаете, года через четыре мы случайно столкнулись, он давно развёлся и вернулся в Штаты. Мы сходили на ужин, и да, у нас был небольшой романчик. Большого не получилось, так что расстались мы на дружеской ноте.

Я долго думала, почему так. Почему-то у британцев считается нормальным врать девушке на тему матримониального статуса, а у американцев — нет. Много лет изучая повадки этих высших приматов, я пришла к выводу: дело не в мужчинах, а в женщинах. С мужчин, кроме анализов, в вопросах межполовой морали взять нечего, качество анализов — так себе. Не по адресу, сами знаете. Другое дело — женщины. Если американка, узнав, что ухажёр женат, психанет и уйдёт, хлопнув дверью, на любой стадии романа, и не исключено, что ещё и нажалуется жене, то англичанка вспылит и тоже, скорее всего, уйдёт, но есть шанс, что потом вернётся. Здесь 50 на 50, и потому мужское враньё приобретает смысл. Кстати, не так уж быстро я пришла к выводу, что дело именно в женщинах, населяющих Британские острова, и для этого мне придётся рассказать вам историю Наоми О.

Но начать надо не с Наоми, а с Дебби. Феномен этой женщины интриговал и где-то даже задевал меня, но неизменно ускользал от моего понимания. Дебби была ярко выраженной американкой из бородатого анекдота про дипломата, которому не повезло, той самой женой, к которой прилагались японский дом, английский повар и китайская зарплата. В самой последней своей части анекдот уже сильно устарел, но 25 лет назад, в середине 90-х, когда мы познакомились, шутка была актуальной и смешной. Но никто не сочувствовал Майклу, мужу Дебби, все отчего-то крайне ценили Дебби и недолюбливали её мужа, официальная версия была, что в их союзе Дебби — моральный облик и нравственная скрепа. Ну, пара человек точно так считали, и среди них — мой тогдашний бойфренд и моя первая любовь Джефф. Вы, конечно, заметили, я мастер уходить в сторону, но любая история контекстна, и рассказ про Дебби — не исключение. Про Джеффа я ведь раньше не упоминала, так что потерпите немного. В течение долгих пяти лет, после того, как мы расстались, и прежде, чем восстановили уже другую, дружескую связь, я так старательно выжигала те былые чувства к нему, что потом, когда он возник снова, смотрела на него через ироничный прищур. Видимо, эта была защитная реакция, полагаю, что избыточная, мне давно ничего не грозило. Не грозило настолько, что мне трудно было вспомнить, а что нас связывало, и насколько, видимо, сильна была связь, если celibat после разрыва длился четыре года. Думаю, мне пришлось после разрыва стереть и переписать кусок внутреннего кода, и этого я так и не простила. Себе ли, ему ли — неважно. Хотя часто вспоминаю, как незадолго перед разрывом он сказал, что долго думал обо мне и о нашем будущем. Джефф говорил, что боится связываться со мной, потому что во мне нет прощения. Признаю, он был прав. За живое задела меня фраза: «Я познакомился с независимой женщиной, а посмотри на себя сейчас...» Джефф, наверное, просто пытался как-то рационализировать для себя принятое решение, его конкретные слова и объяснения не стоило

принимать буквально, но цепная реакция была уже запущена. Но не будем отвлекаться, я ведь пытаюсь разобраться в феномене Дебби. Итак, у козырного красавца Джеффа был приятель Майкл. Наверное, Майкла вполне бы можно было назвать красавцем, но его так не называли. А вот почему — не знаю. Возможно, оттого, что Дебби красавицей было трудно назвать, самой яркой чертой в этой женщине были сильно подведённые глаза. Никто не хотел вносить излишний диссонанс в этот союз, его там и так хватало. С галантным южанином Майклом я познакомилась раньше, чем с Джеффом, и, само собой, раньше, чем с Дебби. Кстати, бабником Майкл не был, не нуждался в этом, он настолько филигранно владел искусством тонкого комплимента, что мог легко сразить барышню наповал одной прицельной фразой. Как-то в холле нашего здания была организована экспозиция работ Родена, на стадии первичного накопления капитала некоторые банки стали обзаводиться собственными коллекциями. Майкл прошёл через выставку и вышел на меня. «Я посмотрел все работы. Как жаль, что вы не позировали скульптору», — бросил Майкл стрелу. Я запунцовела, а Майкл пошёл дальше по своим делам, даже не оценив масштаб произведённого эффекта. Я же говорю, не нуждался. Правда, когда мы с Джеффом стали парой, то при Дебби Майкл нарочито заигрывал со мной, но только если Дебби могла наблюдать — видимо, именно для того, чтобы досадить ей и вызвать её живую реакцию. Возможно, это была отработанная прелюдия, которая цементирует парные отношения. У них хорошо получалось, Дебби меня невзлюбила. При полной взаимности. Дебби была девушкой неприятной. Судите сами: сидим мы, допустим, вчетвером, о чем-то треплемся, вдруг Дебби спрашивает Джеффа, а правда ли, что Конрад П, друг Джеффа, встречается с домработницей. Джефф молчит, размышляя, что сказать, я успеваю нырнуть под стол, якобы завязать шнурок от ботинка, а на самом деле — чтобы не выдать ничего лишнего лицом: оказаться ответственной за провал, выдав реакцию невербальным сигналом, мне не хотелось. Джефф в итоге выдаёт короткую реплику «Нет», но я не выныриваю, предпочитаю заняться вторым шнурком. «Да? А он мне сам сказал, что встречается», — делано удивилась Дебби. «Ну, сама знаешь песню A Man Needs A Maid³», — парирует Джефф. Короче, вы поняли: Дебби любила ставить людей в неловкие ситуации, ей сходило с рук, стервой её не считали, скользким типом в их паре значился Майкл, так уж повелось. После нашего расставания с Джеффом мои пути-дорожки иногда пересекались с этой парочкой. Оба давно избавились от объёмных пуховиков и стали косить под европейцев. Майкл обзавёлся стильным лапсердаком и тирольской шляпой с пером, Дебби

³Здесь игра слов: maid — 1. незамужняя девушка и 2. помощница по хозяйству.

щеголяла в длинной шубе, жирных червячков вокруг глаз больше не рисовала, подводка была выброшена за ненадобностью. Внешний лоск был им к лицу, манеры остались прежними. Заигрывать со мной Майкл перестал — видимо, нашли кого-нибудь ещё или обнаружили новую фишку для оживления своих отношений: может, семейный психолог что-нибудь подсказал. Не знаю. Итак, при случае Майкл мог меня спросить, а встречаюсь ли я сейчас с кем-нибудь. «Нет, а что, хочешь поучаствовать в конкурсе?» — Почему-то же Дебби мне было слабо отбрызнуть с каменным лицом: «Нет, но непременно буду держать тебя в курсе». — Рядом с ней я чувствовала себя неуверенно и просто приноровилась избегать прямых столкновений. Это было нетрудно, даже когда после восьми лет Джефф вернулся в Москву. Переписанная часть моего кода категорически не совпадала с системными настройками Джеффа. Кто-то умный давно сказал, что любовь — это непонимание между двумя идиотами. Мы перестали быть идиотами, но наше непонимание никуда не ушло, оно теперь больше походило на какую-то несуразицу и вызывало взаимную неловкость. То, что было, осталось в какой-то прошлой жизни. Никто так и не узнал, что было в записках, которые мы оставили самим себе, спрятав в кирпичной кладке стены питерского бара в подвале на Мойке. Их выбросили, не читая.

Последний раз я встретила Майкла лет пять назад в аэропорту. Он летел в Гарвард. «Преподавать?» — поинтересовалась я. Майкл осуждающе посмотрел: «Ты — пятая». — «В смысле?» — «Без смысла, шутка надоела. Нет, учиться еду». — «Ну, Бог в помощь». Майкл не подкальывал и не кокетничал, вообще за эти годы он изменился, я даже не поняла, что именно произошло. Теперь он походил не на европейца, а на русского, ну, хотя бы выражением лица. Какая-то в нём появилась элегичность и тоска, прямо чеховский персонаж с фактурой и лицом Пола Ньюмана. Дебби с ребёнком давно перебралась в Коста-Рику. Я привычно иронизировала: «Остров купил?» — «Да нет, просто виллу». — Мы часа два болтали обо всём: о бизнесе, о жизни. Майкл спрашивал, а не хочу ли я попробовать себя в чём-то новом. Я откровенно отвечала, что вряд ли у меня ещё раз получится, ибо талантов нету, амбиции отсутствуют, а способности достаточно ограничены, на что Майкл грустно отметил, что наличие здравого смысла — уже серьёзный ресурс в нашем безумном мире. Сам он карабкался на следующую ступень корпоративного бизнеса. Но без задора, с какой-то тоскливой обречённостью. Он спросил про любовь, я интересничала и рисовалась, говорила, что бывала замужем, а про любовь не уверена, что это вообще бывает. Майкл хорошо знал ответные реплики, говорил, что надеется, у меня будет возможность убедиться в обратном, в качестве удачного примера привёл себя с Дебби. Да уж, спасибо, как-нибудь... Короче, вполне себе чеховский разговор, зритель уже умирает со скуки. Я была рада, что в первый наш живой разговор призналась, что всегда восхищалась

его умением ценить честное партнёрство и не извлекать выгоду из союзов, где большинство не преминуло бы воспользоваться ситуацией. Он грустно кивал, ему мои дифирамбы были по барабану. Напоследок Майкл всё же спросил: «А как Джефф, вы общаетесь?» Я знала, что надо сказать что-то умеренно-позитивное, и выдала заранее заготовленный текст, как Джефф помог с контактом Макнамары, когда возник случай у бабушки. «Он хороший», — сказал Майкл. «Кто, Макнамара?» — удивилась я. — «Нет, Джефф». — «Аааааа», — в этом затянувшемся звуке был ответ на весь незаданный вопрос Майкла и на тот, что Майкл вряд ли имел в виду когда-нибудь спросить, даже если бы мы остались в зале ожидания на долгую зимовку. На его рейс объявили посадку, пора было прощаться.

А помните, я ведь обещала рассказать вам историю про Наоми О.? Что же, давайте перенесёмся из аэропорта на пять лет назад. Я уже год как встречалась с американцем, постоянно проживающим в Лондоне, и в мой очередной приезд на Рождество мы потащились в гости к его лучшему другу. Друга звали Стив, а его британскую подружку — Наоми. Стиву было около 45, а Наоми — ранние 40. Стив трудился партнёром в международной юридической фирме, не знаю, как давно он переехал в Лондон, но с Наоми они жили уже лет десять, не меньше. Наоми была выпускницей Оксфорда, специальность — какая-то девичья, непритязательная, типа антропологии. Но, начав жить со Стивом, Наоми тут же ушла с работы и углубилась в хозяйство. В отсутствие детей на 50 метрах арендованной квартиры, кажется, особо не домохозяйствуешь, но это кажется только нам, кому вообще особо неохота. Итак, Наоми окончила курсы кулинаров и сомелье, продвинутую программу по выпечке и приготовлению мясных блюд и отдельную — по десертам, взяла специализированный мастер-класс по красивой подаче блюд, это там, где учат, какой соус и какая именно травинка подойдёт по цветовой гамме и аромату к основному блюду. Но здесь случится затык: через шесть лет домохозяйствования Наоми поняла, что жениться на ней (а может, кстати, и вообще жениться) Стив не собирается, как и варганить совместных детей. Всё было зря. Наоми ушла в отрыв, познакомилась с каким-то южноафриканцем и отвалила в Йоханнесбург. Но африканер тоже не оправдал ожиданий и чудеса домохозяйствования по заслугам не оценил. На Наоми он так и не женился и где-то через годик загулял. Мужской откровенный загул — это часто просто короткий месседж сожительнице, в нём четыре буквы: «Вали». Наоми начала названивать моему другу и рассказывать про обманщика-южноафриканца, это тоже был месседж для бывшего бойфренда. Стив прилетел в Йоханнесбург и забрал Наоми обратно в Лондон. Условий она Стиву не ставила, да и не особо уже поставишь в её положении, сами понимаете. Внешне Наоми была очень даже красотка, вполне себе Ким Бессинджер, не хватало только роста,

статии и характера настоящей Маккой. Рождественский ужин, которым она нас потчевала, получил бы пять звёзд Мишлен из трёх, если бы едоки были ресторанными критиками, но мы ими не были. Получалось, что старалась Наоми напрасно. Так оно, впрочем, и оказалось. Через годик Стив решил обзавестись собственным домом в Южном Кенсингтоне, это решение вызрело у него одновременно с решением расстаться с Наоми. Для начала он определил, что рассказывать ей грустную правду перед Рождеством не стоит: зачем портить женщине праздник, тем более что на Рождество они собирались на Кубу. Я с максимальной сдержанностью спрашивала своего друга, почему вдруг испортить Рождество Наоми — так страшно, а вот испортить ей жизнь — типа норм. Но ответа не было, мой друг вообще не понимал, отчего я так кипячусь по вопросу, не имеющему ко мне отношения. Стиву он мои комментарии вряд ли передавал. После Нового года и возвращения с Кубы момент истины настал, и Наоми попросили освободить помещение. Ну, в смысле Стив аренду квартиры прекращал и съезжал в свой таунхаус, Наоми там места не было. Где-то на этом этапе я рассталась со своим другом и информацию о перипетиях Стива и Наоми узнала через несколько лет, когда мы снова стали общаться. Не знаю, кстати, насколько моё решение расстаться было спровоцировано страхом оказаться на месте Наоми, чей пример навязчиво маячил перед глазами. Итак, продолжение истории я услышала через три года. Наоми всё же удалось въехать в таунхаус, ибо своей квартиры не было и взяться ей было неоткуда, отступных Стив не предлагал. Но в таунхаусе подомохозяйствовать не удалось, Стив стал методично выдавливать сожительницу, вода в дом тёлочек и оставляя на ночь три раза в неделю минимум. Он бы, конечно, мог и каждую ночь, но тогда пришлось бы забросить работу. Наоми выдержала полгода, а потом уехала в Ниццу с новым ухажёром и вышла замуж за богача. Сарказм! То есть про Ниццу всё правда, а дальше — нет, она нанялась поваром на частные яхты, которые курсируют по Средиземному морю. Нашла девушка в конце концов ценителей для выпускниц кулинарных курсов и семинаров сомелье. Короче, если хотите в 50 лет ездить поваром на яхте, то вам как раз туда. Стива я долго считала жутким монстром и не одобряла, когда мой друг свёл его со своей подружкой Мегги, специалистом по кастингу на национальном канале. Но потом, увидев их вместе, изменила своё мнение. Мегги была ровесницей Стива, к моменту нашей общей встречи пара встречалась уже года полтора. То есть, что значит встречалась — просто вместе проводила отпуска и каникулы. Мегги жила в Нью-Йорке, её дочь-студентка училась в Бостоне, но съезжаться со Стивом она явно не планировала в обозримом будущем, она радовалась присутствию Стива в своей жизни, но ровно в рамках существующего формата. Стиву тоже всё нравилось: отсутствие Мегги на ежедневной основе по-

зволюло ему наслаждаться холостяцким одиночеством в своей берлоге, едва ли он водил туда девушек. А зачем? Некогда, неохота, а главное — никакой мотивации: Наоми ему не грозила, а Мегги вряд ли бы узнала, а если бы и узнала, то что?

Глава 3

Сектанты

Вот скажите, почему любви посвящены целые тома и собрания сочинений, отчего про ненависть написано так мало? Я про настоящую ненависть, иррациональную, за которой не стоит внутривидовая конкуренция или борьба за ограниченный ресурс. Согласитесь, предмет страсти нам много проще сменить, чем предмет ненависти, ибо любовь мимолётна, а вот ненависть — это навсегда.

С Мумошкиным нас познакомил Джефф на Дне независимости Америки лет сто назад. Ну ладно, не сто, но давненько. В то время праздник отмечался широкой масленицей на аэродроме Тушино с цыганами и медведями, фейерверками и салютами. Поди, не верите? А вот зря, так оно всё и было.

Лицо Мумошкина показалось мне смутно знакомым, и я спросила, не учился ли он на философском, годиком старше меня. Мумошкин делано оскорбился, что его приписали к когорте лишних людей русской литературы, хотя мог бы и порадоваться, что скостили возраст. Мумошкин был на 17 лет старше меня. За родной факультет я не сильно обиделась, в те годы модно было быть финансистом, экономистом или юристом и уж, чтобы совсем круто, окончить какую-нибудь Harvard Summer School. Полноценные отечественные выпускники Лиги плюща появились всё-таки позже.

Мумошкина и его спутницу Валю я рассматривала очень внимательно, я знала, что именно с Валиной подругой Джефф встречался до меня. Валея я не впечатлялась, а зря. Как я понимаю, это был единственный случай, когда Мумошкин был замечен с девушкой-ровесницей, всего-то на 10 лет его моложе, больше он таких глупостей в стиле гендерного равноправия не допускал. После Дня независимости Валю сократили, на прямой вопрос «почему?» отмечалось, что она какая-то непозитивная и больно охая до понтовых тусовок. Мумошкин быстро нашёл ей замену в лице позитивной тренерши по аэробике поколения Next, которую сменил на выпускницу акробатического училища, а ту, в свою очередь, — на начинающую модель. Золотой стандарт 90-х — ничего интересного. Интересно мне было, каким образом этот плейбой стал партнёром самого успешного американского инвестора в городе и отчего все окрестные экспаты так его уважали.

Поначалу я наивно думала, что Мумошкин — условный калмык, но нет, Мумошкин значился потомком китайки с японскими корнями и русского аристократа, познакомившихся в Харбине и каким-то образом очутившихся в Москве. Также я знала, что, эмигрировав в Америку с семьёй, Мумошкин, прежде чем встать на ноги, долго мыкался и не мог найти никакой работы. А сейчас у него законный дембель, семью в Штатах он полностью обеспечивает, а сам имеет право на простые мужские радости, без обременения тоскливыми обязательствами. Как видите, ничего особо интересного, счастье трудных дорог не без развесистой клюквы про белые акации, цветы эмиграции. От позднесоветских времён ещё тянулась мода кичиться аристократичностью происхождения. Филипп Киркоров и Алла Пугачева состояли в дворянском собрании. Осуждать Мумошкина за это негуманно, и мы не будем.

А вот интересную часть биографии Мумошкина поведал мне Старк. Это была история бегства Мумошкина из СССР в Америку. По словам Старка, пускающего скупую мужскую слезу при рассказе, Мумошкин эмигрировал по китайско-японской линии и якобы просидел какое-то время в японской тюрьме (страшное место), потом — в китайской тюрьме (ужасающие условия) и напоследок почему-то ещё и в корейской тюрьме (концлагерь). В те годы у меня не было видеомэгнитофона и, возможно, я просто не уловила, что это пересказ какой-нибудь из эпопей Рэмбо или киношки с Ван Даммом, играющего в солдата Иностранного легиона. Но, видимо, Старк тоже не уловил. Он так сопереживал мытарствам Мумошкина, что я сильно впечатлилась, и у меня самой защипало в носу.

Расставшись с Джеффом, я надолго потеряла всю тусовку из вида. Кстати, Мумошкин был единственный из его знакомых, с кем при встрече мы не здоровались и делали вид, что незнакомы. Такой суровый русский стайл типа *what's the point*, выбор был обоюдный.

Итак, через 10 лет Джефф вернулся в Москву. Про Бориса слышала я мало, только опять же рассказы, как он славно поддерживает ребёнка и бывшую жену, оставленную в Америке. Всё опять выдавалось с елеем и пиететом.

Сеанс разоблачения чёрной магии произошёл случайно, так встали звёзды. Мой лондонский заказчик планировал большую и крайне представительную конференцию в Москве. Молодой продюсер, вылетевший в Россию сильно загодя, внезапно исчез и перестал отвечать на звонки, sms, письма. Появится ли он на самой конференции, было непонятно. Кстати, так и не появился. В срочном порядке из Лондона вылетела самая звёздный продюсер компании Кейт Найтридж. Катю я обожала, боготворила и восхищалась ею, так что придётся вам послушать мои дифирамбы. Катя была моим самым первым и любимым клиентом. В начале нашего знакомства Катю пытались увести конкуренты, я знала о том, что её будут охмурять,

хотя и не предупредила, что на неё уже расставили силки. Ходоков Катя отбрила. Мне она, кстати, ничего не рассказала, я узнала всю историю от третьих лиц. Катя была чистокаратником. Внешне, кстати, напоминала принцессу Диану, но на мои слова о сходстве поморщилась, сказала, что не фанат... Долгое время я полагала, что Катя — умница, красавица, выпускница юрфака МГУ и кандидат наук, натурализовалась в Великобритании, сделав удачную партию. Но, как выяснилось, муж, работающий в парламенте, пятикартник на пальце, выходные в Венеции и загородный дом образовались позже, когда пятилетний марафон в банке без единого больничного уже принёс плоды в виде британского паспорта, а дочка окончила частную школу. Кстати, о том, что муж работает в парламенте, я узнала не от неё. На прямой вопрос Катя скромно отвечала, что муж — экономист. Настоящую королеву легко узнать по стати, манерам и тонкому чувству юмора. Историями, рассказанными Катей, я когда-нибудь с вами поделюсь. Но не сейчас, а то мы забудем о Мумошкине. На конференцию Катя пришла к 7 утра. Загулявшего молодого продюсера было не видеть, и Катя сказала, что попросит Мумошкина сделать вступительное слово. «А почему именно его? Вы знакомы?» — «Да, мы жили в Москве в одном дворе. Он был оператором на «Мосфильме», и у меня сохранились прекрасные снимки маленькой Даши. Он очень неплохо фотографировал». Дальше выяснилось, что с бывшей женой Мумошкина Катя до сих пор состоит в переписке. Она очень удивилась, услышав версию о том, что Мумошкин изо всех сил поддерживает семью, оставленную в Штатах. Бывшая жена, хотя не растеряла благоговения перед отстыкованным супругом, всё же никак ни производила впечатления удачно разведённой женщины, которой не надо беспокоиться о куске хлеба, даже напротив. Моё предположение, что поддержка оказывается напрямую медленно подрастающему сыну, было воспринято с весёлым скепсисом. Рассказ про встречу русского аристократа и японки китайского происхождения в Харбине был встречен скептической ухмылкой, а история про мытарства в японских, китайских и корейских тюрьмах — хохотом. Но самое сильное впечатление произвела на меня встреча Мумошкина с Катей. Катя заговорила по делу: «Здравствуйте, Борис, мы с вами знакомы по предыдущей жизни, хоть и давно не виделись. А не могли бы вы сделать вступительное слово?» Мумошкин смотрел на Катю взглядом «женщина, вы кто?», напоминание про семейное знакомство и про детские песочницы, где оно состоялось, пропускал лицом, выставляя Катю самозванкой, которая пытается набиться к блестящему плейбою в непонятные подруженции. С Катей он зняться не хотел.

Мумошкин не был банальным вруном. Он не придумывал истории забавы ради или не сочинял небылицы для красного словца. Он не относился

к плеяде бессистемных завиральщиков и безобидных фантазёров, которых легко вывести на чистую воду, если есть охота. Отнюдь. В его враньё были концепция и методология, безупречно подогнанные логические цепочки, сложности с опровержением. Требовалось одно — отсутствие прямых очевидцев и свидетелей прошлой жизни. Он творил миф о себе не искусства ради. Но назвать Мумошкина вруном у меня не было оснований, все истории о нём были поведаны другими. Слушатели оригинального мифа становились рассказчиками. Доподлинно неизвестно, насколько авторская обработка сказителя изменяла первоначальный героический эпос. Фактически, он создал секту рассказчиков мифа о себе. Пирамиду по принципу «Гербалайфа». Только адепты не носили значок «Хочешь похудеть — спроси меня как» и не втюхивали бесполезный порошок неофитам. Они несли в народ рассказы о судьбе Бóриса. С ударением на первом слоге. Мумошкин пользовался людской внушаемостью. Он был настоящим гуру, и я ему завидовала. Я сама хотела стать гуру и вести эту слабую умом паству к свету Истины. Но Мумошкин меня опередил.

О встрече со свидетелем молодости Мумошкина я никому не рассказывала, но смотреть на него стала другими глазами. Мы продолжали игнорировать друг друга, но неприязнь крепла. Через полгода Мумошкин женился. Джефф с каким-то детским восторгом рассказывал мне о свадьбе на озере Комо 53-летнего Мумошкина и 18-летней феи. Почему-то все вокруг называли это любовью. Мумошкин открыл сезон, вслед за ним все его адепты повторили ход. Я стала задаваться вопросом, а если бы следующим номером Борис женился на негре преклонных годов, все тоже побежали бы следом? К этому моменту неприязнь переросла в ненависть. При этом делить в предметном мире нам было нечего. Ненависть обостряет чувства, как и любовь, я видела болевую точку Мумошкина, причину ущерба, что заставляет его прибегать к вранью, но это знание нас не сближало. Поверьте, я без вас знаю, что мы видим в других только то, что есть в нас самих. Много текстов посвящено теме, бывает ли безответная любовь. Как вы думаете, бывает ли ненависть без взаимности?

Последний раз я увидела Мумошкина не живьём, а на фотографии. После открытия одной выставки я полезла на сайт посмотреть, не затесались ли наши с Сонечкой фотографии среди випов. Но нет, нас там не было. Зато с трёх снимков взирал Мумошкин с нимфеткой творческой профессии. Он опять был в тренде нашего городка. Я с раздражением захлопнула компьютер. Почему любовь так легко нас отпускает, почему ненависть так крепко вяжет?

Глава 4

California Dreaming

Вы не замечали, что в кино уже давно нет красивых мужчин-актёров на роль настоящего мужчины: героя Дикого Запада, полковника десантных войск, ну таких, чтобы сердце замирало... Ричард Бартон, Пол Ньюман, Роберт Редфорд, Шон Коннери, Пирс Броснан — всё, кончилось. Скоро уже роль Джеймса Бонда Ди Каприо или Джилленхолу предложат. А что, кончились красавцы в Голливуде, а новых не завезли? Да нет, не кончились, они просто играют в реальную жизнь.

Ричард был хорош собой сказочно, таким мужчинам самое место в кино, ну или в политике. Красавцы часто бывают женаты на серых мышках, можно было бы предположить, что эти «многие» равнодушны к внешности, ну или равнодушны не к своей внешности. Так вот, это не про Ричарда. Завидев красивую девушку, он догонял её и предлагал работу. Если работы не было, он предлагал будущую работу или находил работу у своих друзей. Ричард не был бабником, он просто видел в красоте актив и хотел его использовать. Например, предлагать офисы с красивыми секретаршами или торговые помещения, укомплектованные эффектными продавщицами. Ричард был романтиком. Он оплачивал учительницу английского для группы девушек из 10 человек. За спиной группу называли плохо, аббревиатурой, намекающей на неформатные отношения девушек и Ричарда. Ну ещё бы, им ведь платили стипендию, 50% от средней зарплаты. Но девушки не обижались, на обиженных воду возят, а за отсутствие злопыхателей надо платить отсутствием внешних данных и связанных с ними шансов, возможностей и рисков. Костяк составляли Мисс Украина, Мисс Урал и Мисс Бизнес. Было ещё две выпускницы МГУ, три модельки и тихая девушка без определённых занятий. Идея оплаченных курсов провалилась: Мисс Украина эмигрировала с мужем в США ещё до выпуска, Мисс Урал грустно украшала собой картинную галерею в атриуме, пока какой-то престарелый экспат не сжалился над ней и не увёз замуж на юг Франции. Мисс Бизнес, выпускница Финансовой академии, жена танцора Большого театра, через пару месяцев бросила мужа ради австрийского банкира, а компанию покинула ещё через полгода, перейдя в «Бритиш Петролиум». Одна из выпускниц МГУ стала заместителем начальника рекламного отдела, но через годик вышла замуж за коллегу, и свежеиспечённая ячейка общества отчалила в Прагу, модельки продержались пару месяцев, с тихой девушкой произошёл трагический случай. Но Ричард не был готов отказываться от идеи, он видоизменял подход. Теперь он сосредоточился на кандидатках, изначально владеющих английским, а секретарш в экзекьютив-офисах решил разбавить секретарями. И нет, он не был двустволкой. Ричард

был романтиком. Но проблемы у него начались отнюдь не из-за этого. Просто назрел очередной передел собственности. Все советовали ему бросить всё и уехать в Америку. Типа начать с нуля. Некоторые говорят, что главное — это сохранить жизнь, другие думают, что главное — это сохранить себя, если есть что сохранять. За полгода до того, как его расстреляли на улице, Ричард встречался с какими-то очередными мутными типами, якобы готовыми решить вопрос, поставив своего человека во главу совета директоров. Ричард соглашался с большинством условий, но настаивал, чтобы представитель был хорош собой. Ричард упорно продолжал прямо в жизни съёмки собственного фильма-катастрофы с крепко сбитым сюжетом, где «один против всех».

Глава 5

Зеркало русской революции

Крис был одним из многих людей, кто не хотел жить в современном мире, и одним из немногих, кто знал, в каком хочет, такой мир он себе создал и туда переселился. В общем, мы все одинаковые, нас всех пугает будущее, причём не только своё, но и будущее человечества. Не уверена, что Криса оно именно пугало, но он там себя не находил и не видел. Какие есть варианты? Уйти в мир фантазий, виртуальной реальности или в реконструкцию. Оставим виртуальную реальность социопатам, Крисова витальность требовала тактильности. Но что есть реконструкция? Мизерабль тратит кучу денег, усилий, времени, чтобы смастерить костюм улана, если средства позволяют, добывает его матчастью с аукциона, едет в место проведения битвы. Слоняется с такими же отверженными, ест кашу из котелка, а утром в понедельник сидит в кресле замначальника кредитного отдела Финкомлизингбанка и трёт прострел на шее. Грустно, правда? Мне тоже. Крис, англичанин по первому паспорту, когда-то остался в России, чтобы стать русским баринком, и стал им. Он торговал углём, женился, разбогател, купил дом под Москвой, родил детей, открыл пять разных предприятий, построил имение во Владимирской области, заказал, наконец, танк-вездеход, но всё было не то. Все эти привнесённости, штат домашней челяди и собственная часовня, освящённая Владыкой, давали ощущение маскарада, но не единства времени и места. То было найдено — им оказалась ухайдоканная колхозным строем и его метастазами деревня Голопузово под Петушками. Стоил вход недёшево — 2 ляма. Долларов США, а вы что подумали? Настоящим русским баринком-самодуром можно стать только при наличии пахотных земель, крепостных душ и убыточного хозяйства. Таковы требования архетипа. Это дорогой и затратный проект, который в полном объёме сумел реализовать Михалков Н. С. Но доходы Ми-

халкова позволяют содержать всю эту живую декорацию, а у Криса возникла неувязочка... Крис развернулся: он построил церковь, закупал коров за границей, устанавливал для них высококачественную акустику, водил трактор, увольнял селян за один запах алкоголя (это в деревне-то под Петушками!), приглашал спецов из-за границы, дружил с губернатором, не вылезал из телевизора. Всё было хорошо, но денег вся это понтовая кутерьма не приносила. А иногда уносила. Крис не падал духом, он построил по соседству экоотель, открыл зоопарк и, наверное, мог сделать из своего предприятия базу для конструкторов русской деревни, а самому стать лицом сельскохозяйственной выставки, но гордость ему не позволила. Он пошёл на прямую линию к президенту и задал ему вопросы — «Где дешёвые кредиты?» и «Доколе?». Параллельно похаял статистику, на которую ссылался президент. Помогло это Крису мало, то есть коэффициент узнаваемости он поднял сильно, но денег не прибавилось. Получалось, что Крис просто расширял своё амплуа: помимо барина-самодура он ещё осваивал роль барина-правдоискателя, обходясь пока без элементов экстремизма, без собственной запрещённой программы на телевидении и без заблокированного стрим-канала. Впереди его ждало большое будущее, Крис теперь жил полной жизнью.

Глава 6

Женщина из будущего

Вы никогда не задумывались что некоторые люди — экспериментальные модели, они проходят обкатку в условиях формации, ещё не отвечающей их запросу. Их жизнь до абсурда не вписывается в жёсткие формы окружающего ландшафта. Но проходит пара-тройка поколений — и бывшие экспериментальные модели — уже народная марка, которая собирается на поточной конвейерной линии. Заполонили весь город — не продохнуть.

Ася Муратовна числилась подругой юности моих бабушки и дедушки. Дело было так. Бабушка была юная красавица на выданье. Перед каждой матерью рано или поздно встаёт вопрос, а где, собственно, взять жениха, такого, чтобы сделать партию. Нужно вывести девушку в свет. Задача непростая. Единственная светская львица в окружении, жена родного брата, была не очень популярна или любима у прабабушки и её сестёр, её осуждали за расточительность, фривольность и вульгарность. Но что делать, пришлось идти просить, ломать шапку. Та, надо сказать, не стала мстительно вспоминать саркастических реплик, да, может, и не помнила их, снисходительно пропуская мимо красивых ушей, и пообещала помочь. Ольга Васильевна в девичестве состояла в свите опального Великого князя, окопавшегося в дореволюцион-

ном Ташкенте. Эту историю я как-нибудь, может, и расскажу, но не сейчас. И так, бабушку стали приглашать на вечеринки в Дом учёных, где у неё сразу образовалось два поклонника, один из которых был мой будущий дедушка. Второй, Лео, судя по всему, недолго переживал о своей отставке и стал крутить шашни с Асей, студенткой мединститута. Через год после знакомства мои дедушка с бабушкой поженились, а Лео стал нудно рефлексировать на тему брака. Он брал дедушку под локоток и звал прогуляться по длинным коридорам Дома учёных. Лео беспрестанно интересовался мнением бабушки по поводу Аси, дедушка отвечал лаконично: «Хорошая девушка». «Но бывают же и лучше!» — восклицал Лео. Чего он ждал от бабушки? Что тот с тем же жаром воскликнет в ответ: «Нет, не бывает!», «Был бы свободен — сам на ней женился» или «Ты — счастливец!» — я не знаю. Суть в том, что тогда, перед самой войной, Лео на Асе не женился. Так, собственно, Ася и стала Ася Клячиной, которая любила, да не вышла замуж. Потом была война, голодная и бесприютная эвакуация, Средняя Азия, где бабушка случайно столкнулась с Асей. Этот год бабушка вспоминала всю жизнь: глубокая беременность, счастливое устройство по геологической специальности, работа до самых родов, выход на работу через две недели, ужасающие условия в яслях, суд за 15-минутное опоздание, бабушкины редкие увольнительные из танкового училища и за день до отъезда новость, что бабушкина докторская утверждена и что вместо фронта они вместе возвращаются в Москву. Фоном шёл голод, голод, голод. Про Асю тех времён было две истории: как она пришла забирать бабушку из роддома (больше попросить было некого) и вместо смены белья и простыней для ребёнка принесла самое фасонистое бабушкино платье, в принципе неуместное в декорациях военного Ашхабада, и про то, как бабушка зашла к Асе в гости. Так вот, не знаю, был ли визит запланирован заранее или произошёл по случаю, но на столе у Аси стояли трехлитровые банки топлёного масла, перемешанного с икрой, богатство по тем временам нереальное. У местного населения редко удавалось купить еду или обменять на вещи, люди просто отказывали, возможно, опасаясь обвинений или провокаций. Так вот, помимо трехлитровых банок на заднем фоне маячил мужчина, Ася его представлять официально не стала, упомянув мимоходом, что это её дядя. Пересказывая ситуацию, бабушка делала страшные глаза и цитировала из Плюшкина, что он был Асе такой же дядюшка, как ей — дедушка. Бабушка прикинула в уме: трехлитровые банки имели меновую стоимость и в совокупности тянули на брошку Фаберже, не самую дорогую, то есть тыщ 10 долларов по нашим временам. Короче, речь шла о спекуляции продуктами питания. К деловым людям у нас дома относились терпимо, иногда — с иронией. В послевоенном Питере у бабушки был знакомец по прозвищу Спекулянт-марксист, чувак носил по домам заграничные тряпки, но был крайне непунктуален,

объясняя опоздания тем, что его опять задержали в вечернем университете марксизма-ленинизма или вот бывший завхоз дедушкиного института всплыл в новое время как миллионер. Период накопления первоначального капитала указывал на то, что, работая в институте, человек времени не терял. Дедушка был далёк от такой разворотливости, не потому, что был глуп, отнюдь, просто он играл в совсем другой лиге, там хватало своих, политических рисков. Я как-то спросила бабушку, что она думает про завхоза-миллионера. «Слушай, ну ты посмотри, — ответила та благодушно, — он вот оперу, например, спонсирует, хорошее ведь дело». И всё, никаких «наворовали», хотя чувак начинал заниматься делом явно под крышей института. Так вот, у нас считалось, что марксист-спекулянт и ловкий завхоз — это одно, а спекуляция продуктами в военное время — совсем другое. И хотя бабушку накормили и напоили, осадок остался. Ну да и помимо прочего, Ася вызывала лёгкое пренебрежение как девушка, обломавшая с матримониальной карьерой жены будущего академика и пошедшая по кривой дорожке спутницы, консорта теневого воротилы. С высоты прожитых лет я бы предположила, что пренебрежение вызывал не сам выбор, а ханжеские ужимки: представь Ася хахаля по имени — расклад был бы другим, а отрекомендуй своим любовником — вызвала бы уважение. Но мы все — заложники своего времени и не зависящих от нас обстоятельств. После войны дедушка и бабушка надолго уехали из Москвы, и снова Ася возникла на радарх из ниоткуда в середине 80-х. В блеске изрядно пожухлой красоты и целиковой норковой шубы. У бабушки такой не было и близко, да если честно, ни у кого из знакомых не было. Но шуба была не главным призом в конце кривой дорожки. Ася, простой терапевт, пусть в элитарной клинике, жила одна в трехкомнатной квартире в высотке на Котельнической набережной, до отказа набитой антиквариатом. Это я успела рассмотреть, будучи приглашённой однажды Асей на предмет смотрин для её племянника. Про племянника и смотрины — вообще неинтересно. А вот про Асино богатство — напротив, ну очень интересно. И так, времена уже смутные, но ещё позднесоветские. Ася — девушка не первой молодости, официально замужем никогда не бывала, родители — заурядные, богатые и знаменитые родственники по восходящей отсутствуют, собственного общественного лица нет. Конечно, работа терапевтом в ведомственной клинике давала ей широкий круг связей и даже личное общение с семейством Михалковых в качестве врача-консультанта, но согласитесь, наличие собственной трехкомнатной квартиры на Котельнической набережной эти знакомства никак не объясняли. Ася тяготилась отсутствием собственного статуса, отсюда, наверное, и постоянные рассказы, в какие дома она звана на журфикс, и большая тема по имени Лео. Лео был давно благополучно женат. Как звали жену, где и когда он с ней познакомился, в каком районе

проживали, были ли дети, — не помню ничего, кроме прозвища, которым Ася называла его жену: тётя Лошадь. Лео было крепко под 80, Асе — хорошо за 60, брачная сделка не была закрыта сорок лет назад, но любой разговор у Аси сводился к тётю Лошади, к тому, какая она старая и страшная. Асе Клячиной тема удачливой соперницы не давала покоя. Вот удивительно, насколько женская уязвлённость сильнее, чем любовь. Да и была ли та любовь, кто же вспомнит.

Дома у Аси побывали я и мама. Так вот, как-то раз Ася пригласила маму для знакомства с серьёзными намерениями, женихи у Аси, кстати, были средненькие, теневого магнатов не наблюдалось. И вот после истории с неудачным сватовством маман зарулила к Асе со случайным ухаждёром. Возможно, подсознательно желая продемонстрировать свахе-общественнице уровень своих притязаний. Чисто на будущее. И тут вышел конфуз. Ася была вне себя. Точнее, при гостях она держалась светски, но попросила непременно позвонить вечером. Ася была собранна, резка и крайне озабочена: «Это кто такой? Ты его откуда знаешь? Как давно? Ты с ума сошла ко мне в дом случайных людей приводить?» Из контекста было件нятно, что Ася живёт в осаждённой крепости и ей есть чего бояться. Нет, не банального воровства или даже грабежа. Чего-то посерьёзнее. Игорь Васильевич был интеллигентным юношей средних лет из Питера, математиком, вскорости эмигрировавшим в Израиль. На домушника или наводчика он не походил нисколько. А вот на человека, собирающего информацию — вполне мог походить. Короче, Ася чего-то всерьёз боялась. Кстати, ни дедушку, ни бабушку Ася к себе домой не приглашала, хотя у них бывала. Дедушка вряд ли был заинтересован, Ася вызывала у него смешанные чувства, возможно, в силу мужского великодушия он винил в её моральном падении Лео, который предполагал, что будут девушки и получше. А вот бабушка не без интереса приняла бы приглашение и точно пошла бы позырить и оценить. Но её никто не звал. Конечно, с точки зрения разговора о том, какой Лео дурак и какая тётя Лошадь страшная, бабушка была самым перспективным собеседником, но пришлось бы, возможно, отвечать на неудобные вопросы или просто читать их в глазах. После того звонка с Асей общаться прекратили. Никто никого не осуждал. Просто стало件нятно, что мы живём в разных измерениях, там — другие законы и правила игры.

Лео умер через пару лет, в тот же год Ася была убита в своей квартире. Деталей не знаю. Карьера богатой содержанки, консорта крутого воротилы как раз начинала входить в моду.

Глава 7

Ночь перед Рождеством

История, записанная с чужих слов

В тот вечер Джордж решил не идти на шведский стол или в русский погребок с жёстким национальным колоритом. Ему захотелось стейка, настоящего мраморного стейка средней прожарки. Джордж жил в гостинице, столовался, ходил качаться в джим, стригся в местной цирюльне, сдавал вещи в химчистку. На улицу он легко мог вообще не выходить. Всё это было вроде как удобно, но иногда напоминало день сурка.

Со стейком, кстати, имелась закавыка: его контракт не покрывал ужины в Community — ресторане с элитарной претензией. Разумеется, Джорджу никто не мешал пойти, оплатив счёт самостоятельно, ну допустим, даже с 20%-ной скидкой, но такой шаг представлялся предельно глупым. Был ещё вариант пригласить какого-нибудь кореша и записать это как ужин с клиентом. Тут были свои риски: ну, во-первых, не так было просто найти кого-нибудь в течение часа, а во-вторых, если спалится, то придётся оплачивать два ужина. Дилемма. Не придумав ничего дельного, Джордж понадеялся сочинить это за время ужина. Главным было, чтобы на входе или выходе не остановил Кнопкин. Формально Кнопкин был генеральным, но не при делах, чисто марionеточный персонаж, ставленник формального собственника. Пэрис Хилтон в космосе: «собак покорми — приборы не трогай». Так вот, прикопаться к Джорджу на входе в ресторан Кнопкин как раз мог. Проблем бы это не создало, но прилюдный выговор от Кнопкина выглядел бы крайне унижительно. А кто-нибудь непременно увидит: официант, метрдотель какой-нибудь, это же гостиница. Да и вообще. Конечно, счёт потом всё равно попадёт к Кнопкину, но это потом, сначала его должен подписать финансовый контролёр. Ну, этот — вообще мужчина с Марса, на Земле бывает редко, шанс, что прилёт совпадёт с подписанием счёта — нулевой. Да и Кнопкин, скорее всего, пропустит. Одно дело красавцу Джорджу прилюдную выволочку устроить — хоть жёлчь стариковскую разогнать, а со счётом — не то. Ну, можно пару каверзных вопросов задать, ну скажет даже, чтобы сам Джордж заплатил — удовольствие так себе, на троечку. Проще не связываться. Лучше высказаться неодобрительно, но без санкций, в должниках оставить. Тем более что Джордж — единственный из команды формального собственника, кто дипломатические отношения поддерживает с противоположной командой, ну во всяком случае — с их официальным представителем в гостинице.

По лобби Кнопкин не слонялся, и на входе было не видать — пронесло. В ресторане генеральному делать нечего, друзей у него шиш, с барышнями

не замечен, гостей сейчас мало — все разъехались, а к красивой жизни не приучен, все мысли — как собственника впечатлить. Да и понятно всем окружающим, в том числе самому Кнопкину, что это назначение в Москве — последняя страница, очередная страница бесцельно прожитой жизни, дальше — возвращение в Америку, забвение, пенсия, дом престарелых. Это, кстати, ещё хороший вариант. Даже самый лучший из возможных.

Джордж уселся и заказал скотч. Первая часть миссии была выполнена успешно. Оставалось ещё дело — придумать легенду, кого именно из клиентов он пригласил, и продумать заказ так, чтобы выглядело, будто ужинали двое. Задача нетривиальная. Но справился. А вот с вином никак не мог определиться, хауз вайн⁴ — вообще не алё, а всё выше уровнем — ну очень дорого. Исключать риск, что счёт всё же прилетит, не стоило. Попивал скотч пока. И вот тут случилась непредвиденная засада. В ресторан зашёл Руслан. Гостиницу уже второй год терзала война хозяйствующих субъектов: неформальный собственник выдавливал формального. Правых и неправых в таких делах нет, сами знаете. А не знаете, так поищите однорукого юриста. Джордж с первого дня пытался держать нейтралитет и принципиально не впускал в уши аргументы, которыми его пытались подгрузить воюющие стороны. В соответствии с инструкцией: *I'm here for money. It's not my father's business*⁵. Структурно Джордж подчинялся слабому партнёру, фактически был готов прогнуться под сильным. Исторически победа была за последним. Факт, очевидный всем. Так вот, Руслан был представителем сильного собственника, а может, и сам в долях. Кто их там разберёт. Вроде Руслан даже симпатизировал Джорджу, но полагаться на это не стоило. Руслан был для Джорджа нечитаем. Зачем Руслан припёрся в ресторан в ночь перед Рождеством и какого фига он вообще оказался в Москве, а не в Монако, где вся семья, — непонятно. Может, ждёт кого. Ладно. Главное, что уходить уже поздно, стейк почти несут. Была ещё одна неувязочка: Руслан мог использовать ужин Джорджа как аргумент против слабого собственника. Типа, сотрудники противоположной стороны кладут на контракты и не считаются с общими расходами предприятия. Для Гаагского суда так себе аргумент, а для собрания персонала — в самый раз. Тем временем Руслан взял в баре бутылку шампанского и стал оглядывать зал. Джордж решил не ждать, а перехватить инициативу, он радостно помахал рукой и подвалил к барной стойке. После приветствий и, не дожидаясь вопросов, Джордж пошёл объяснять Руслану, как ему надоело однообразие питания за шведским столом и в русском погребке.

⁴ House wine — самое дешёвое в винной карте.

⁵ Я здесь ради денег. Это не бизнес моего отца.

Как захотелось настоящего стейка, которого в городе не найти. Готовность оплатить счёт самому он приготовил вставить в следующую реплику — ну, в зависимости от реакции. Но не пришлось. Руслан вообще парень хваткий, но здесь был какой-то приторможенный и как будто не сразу въехал. А с минутной задержкой. И неожиданно согласился, сказал, что Джордж может ходить в Community, когда захочет, чтобы вносить полезное разнообразие в свой питательный рацион. Предложил внести в контракт. Джордж даже не понял: это типа сарказм, но по виду вроде не скажешь, поэтому предпочёл перевести разговор на нейтральную тему, давно ли Руслан вернулся и как там Монако. С Монако и семьёй у Руслана всё было хорошо. Вернулся сегодня, да вот только что. Правда, по дороге из аэропорта машина сопровождения взорвалась, сам вроде цел. А в ресторан он зашёл выпить, желательно не в одиночестве. Джордж был парнем, мало склонным к рефлексиям, но почувствовал досаду и неловкость за свой рассказ Руслану об однообразии питания. Ну, чисто перед собой. Руслану было явно не до этого. Взрыв машины сопровождения больше напоминал не заказ, а предупреждение. Возможно, последнее китайское. Как поддержать разговор из свежеснятого русского боевика, Джордж не знал. В смысле — каков этикет. Это был ближний космос — Джордж не стремился выходить туда без скафандра. В итоге они крепко выпили и разошлись. Угоститься стейком Джорджу в этот вечер так и не пришлось, да уже, собственно, и расхотелось. Не судьба.

Глава 8

Стакан сока

Поступив в институт, я сразу начала безбожно краситься и бегать по свиданькам. В те былинные времена школьницы были лишены полностью этих серьёзных привилегий взрослой жизни. Так вот, считалось, что новому ухажёру за первым ужином в ресторане надо самой предложить оплатить часть счёта, не в том смысле, чтобы он радостно согласился, а чтобы не попасть в ситуацию, где он необоснованно рассчитывает на продолжение банкета. Также считалось, что духи, букеты, конфеты — это одно, а какое-нибудь ювелирное украшение — ну совсем другое, и брать его нельзя. Категорически. Ни за что. Не скажу, чтобы девушке со жгучим раскрасом индейца на тропе войны их часто предлагали. Да и времена были пустынькие. Принцев наша промышленность не выпускала, своих миллионеров и коннозаводчиков ещё не разводили, чужих не завезли, кооператоры — и те только зарождались.

В общем, бриллиантов ещё не дарили, но казусы случались. Кавалера, кажется, звали Игорь, был он постарше меня и работал во Внешторге. В те

скудные времена последнего вздоха исторического материализма это было весьма в тренде. Круче был только выездник. А вот теневик стоял пониже в тabelle о рангах. Да, это ровно то, о чём вы подумали: цеховик, иными словами.

Так вот, мы с Игорем и компанией ехали к его другу, теневику, на дачу — отмечать Новый год. Теневик искал невесту. Вы будете смеяться, но в те времена девушки были приличные и на предложение об отношениях без загса посмеялись бы или оскорбились. Невесту поручили искать мне. Прямо накануне Нового года. Найти свободную девушку, готовую пилить куда-то за Мытищи встречать Новый год в незнакомой компании, было не так уж и просто. Но я справилась. Невеста была так, ничего себе, звезда спортивной гимнастики нашего курса. Правда, с лёгким приветом. Но это было заметно не сильно и не сразу. Ровно в полночь, после того как пробили куранты, гимнастка пошла за калитку закапывать в снег старые колготки. Не знаю, что это были за новогодние адорации, но я рассчитывала, что, кроме меня, исчезновение девушки никто не заметит. Так вот: дудки. Теневик, хоть и носил тёмные очки, глаз имел орлиный и невесту забраковал, ну в смысле ей-то он ничего не сказал, а меня зазвал в свой кабинет и стал объяснять, какие именно девушки ему нравятся — невысокие, но с длинными ногами, показывал фотографию своей бывшей невесты и просил такую же. Отделаться от теневика было непросто, почему-то он рассчитывал, что именно я подгоню оную по его чётким критериям.

Было уже далеко за полночь, когда Игорь протянул мне новогодний подарок, а я растерялась. Подарок был откуда-то привезённый. Так называлась любая сильно импортная вещь. «Что это?» — «Часы с хронометром для бега. Ты ведь говорила, что бегаешь. Так что спецзаказ». — «Ты с ума сошёл? Я не возьму». С Игорем меня познакомила подруга, и вообще нас связывала долгая семейная история, моя тётка когда-то встречалась с его старшим братом. Думать, что Игорь будет насильственно настаивать на интимах после столь щедрого подарка, я никак не могла. Но обязанной быть не хотела. Да и в загс тоже не хотела. «Слушай, ну я специально коллегу просил привезти из Японии» — «Я взять не могу». По моей номенклатуре часы-хронометр для бега попадали в категорию ювелирных изделий. Игорь стал распаяться: «Нет, возмёмшь» «Нет, не возьму», — стояла я на своём. «Не возмёмшь — кину в печь». — «Кидай». Нам обоим нравилась эта пьеса и наши роли. Самоуверенная Настасья Филипповна из драмкружка Дома пионеров отказывалась брать ценный подарок внешторгового Рогожина, а тот собирался кинуть часы в огонь по такому случаю. Мы бы, наверное, попрепирались бы ещё, но дело испортил Стас, общий приятель, кандидат физических наук. Услышав театральные споры (а Игорь уже открыл дверь топки, хотя и не спешил кинуть часики), тот попросил: «Слушай, не надо выкидывать, отдай

мне. Ей не надо — мне подойдут». Подкисшему Игорьку пришлось отдать понтовую коробочку, времена были скудные. Мне стало как-то обидно. С Игорем мы расстались через пару недель.

Женские разговоры про мужскую жадность — тема неисчерпаемая. Давно замечено, что если подругу спросить, почему она дала очередному кавалеру отставку, то самый короткий ответ будет: «Жадный». Просто это единственный аргумент, не нуждающийся в развёрнутых комментариях. Вот даже «Изменял» потребует деталей: где, с кем, как узнала, ибо существуют различные неортодоксальные парадигмы в женских комьюнити, а по вопросу жадности все институции единодушны — гнать. Вот сейчас какой-нибудь умник занудит, что это современные меркантильные девушки выросли такими корыстными, а раньше, когда небо было синим, деревья высокими, а колбаса докторская по 40 копеек за кило — вкусная, — всё было не так. Фигня. Даже ровесницы Лили Брик перемежали свои рассказы из серии «а когда мы кормили лебедей, он хотел обнять меня за талию, и цилиндр его упал в воду» историями про отставного кавалера, который привёл её в буфет и вместо того, чтобы угощать барышню пирожными, стал прикапываться к буфетчику: «Скажи-ка, старина, а крем свежий?» Так что по данному вопросу в женском царстве наблюдается полнейший консенсус.

А рассказать я хочу про своё знакомство с именитым режиссёром. Собственно, во времена, когда я его знавала, он не был именит и не был режиссёром. Никто даже не подозревал о его амбициях. Ну, в смысле я не подозревала, не скажу, что мы особенно дружили или близко общались. Вообще юноша исключительно располагал к себе, в нём отсутствовала какая-то уязвленность в сочетании с агрессией, которая нас всех крутит по молодости, а напротив, присутствовала невовлечённость. И ещё сейчас я понимаю, что он был наблюдателем. Короче, если очень хотелось поведать секрет, а делать этого не стоило, то это только к Лёне. Кстати, когда он стал знаменит, фильмы его меня смотреть не тянуло, ибо, зная Леню, понимала, что знакомые мне демоны его не терзали, его тёмную материю я вообще не видела. Это не значит, что её не было. Возможно, он был просто достаточно умен и зрел, чтобы не показывать коллегам свою тень.

Настя была влюблена в Леню, без малейшего шанса на ответ. Сейчас, пройдя земной путь до половины, я бы, пожалуй, определила это чувство не как влюблённость, а как просьбу девушки разбить ей сердце. Просьбу, адресованную конкретному мужчине. Коллектив Настю не одобрял: во-первых, глупо прилюдно демонстрировать свою девичью влюблённость, а во-вторых, Лёня всё же был общим достоянием. Лёня Настей не тяготился и даже иногда ходил с ней обедать. Но чаще обедать и ужинать ходили большой толпой, человек пять-шесть.

В тот вечер к нам зашла Даша. Даша и Маша уволились пару месяцев назад и уехали в Лондон за лучшей жизнью. Возможно, Даша заходила просто почирикать, а может, кстати, и попроситься назад на работу, этого уже никто не вспомнит. Маша в итоге так и не вернулась, ей удалось зацепиться, она устроилась секретаршей в фирму к Артёму Тарасову. А вот Даша вернулась. Помимо устройства на работу девушки активно рассматривали институт брака как возможность укорениться на новом месте. Не в том смысле, что у них были какие-то конкретные женихи, а просто много потенциальных соискателей их сердец. И вот о них-то Даша и обещала рассказать за ужином. Рассказы были какие-то невесёлые, в основном сводившиеся к модели спид-дейтинга⁶. Оно, наверное, и правильно, у девушек было ровно два месяца на «устроить судьбу», включая официальное бракосочетание. Даша была разочарована и раздражена. По-человечески мы её понимали: деньги, копившиеся три года, были потрачены полностью, работы нет, блиц-план не оправдался. Вдохновителем поездки была Даша, а подфартило Маше. Одно к одному. Виноваты во всём оказались альбионские женихи. Не тех опять подвезли. Я не помню точно, в какой момент Лёня подсел к нам. Где-то на середине грустного рассказа. Лёня нас не смущал, вот подсядь к нам не он, а Юрка, интересный разговор пришлось бы свернуть. Надьке, которая недавно за обедом вздумала поделиться интересной историей, как у неё отходили воды в крайние роды, крепко досталось на орехи. Не знаю, что он ей сказал, но мне потом прошипел, что если бы его жена, мать его, Юркиного, ребёнка, стала бы такие рассказы за столом вести, то он сам бы утопил её в тех водах. А вот Лёниным присутствием мы не тяготились, и Даша продолжила свою нудноватую сагу про то, как их с Машей два друга пригласили на дискотеку. Что там было с Дашиным ухажёром, я не помню, может, он просто составлял компанию в дабл-дейте⁷, а вот Машин ухажёр был не на шутку влюблён, во всяком случае, общим знакомым рассказом о том, какая Маша и как она ему нравится, он пробил голову до и после злополучной дискотеки. Но на самой дискотеке он НЕ КУПИЛ МАШЕ ДАЖЕ СТАКАН СОКА. НЕ ПРЕДЛОЖИЛ И НЕ КУПИЛ. Эти вибрации страшно цепляли Дашу. Не купил стакан сока. Даше страшно и непонятно было жить во вселенной, где такое вообще возможно. Вся боль несправедливо устроенного мироздания вливалась и выливалась в этот пресловутый стакан сока. Почему-то фигурировал именно стакан сока, а, допустим, не минеральной воды. Влюблён сильно, но не купил стакан сока.

⁶ Спид-дейтинг (англ. speed dating – быстрые свидания) – формат вечеринок мини-свиданий, организованных с целью познакомить людей друг с другом.

⁷ Double date – двойное свидание.

А при этом сидит на ушах у Джона и говорит, что Маша — девушка его мечты. И прямо готов на ней жениться. Дашу заклинило, она шла на повторах по пятому кругу.

Негодование все понимали, хотя и утомились уже от рефрена про сок и стали позевывать. Но тут вдруг Лёня спросил: «А если бы юноша купил стакан сока, судьба его была бы иной?» Возникла пауза. Длинная и неловкая. Настя хихикнула, а Даша нервно сглотнула тот самый сок. Залпом весь стакан. Вы знаете, если бы стул вдруг заговорил, мы бы удивились меньше. Согласитесь, когда девушка делится своим разочарованием в мужчинах, её не принято перебивать. Её принято выслушивать, сколько бы это ни тянулось. Лёня уже пару лет вёл политику невмешательства, позволяющую свободно греть уши чисто женскими диалогами без купюр. А тут вдруг такое. Даша отвечать не стала. Возможно, Лёня просто хотел освободить нас от занудных повторов. Или саму Дашу — от прилипчивой темы. Не знаю. Видимо, это была режиссёрская находка. Просто так ведь на Каннских фестивалях «ветви» не дают.

Маша, кстати, в итоге вышла замуж за того самого влюблённого паренька, не купившего ей стакан сока на первом свидании. Может, ей просто не хотелось пить. Тогда.

Глава 9

Просто ты летишь на свет

Песню, посвящённую Миле, знала вся страна. Ещё та, большая страна, где зелёный горошек для оливье хорошие хозяйки запасали за пару месяцев до Нового года. Песня, кстати, очень даже. Лирический шлягер, без пошлых банальностей. Раритет. Хорошо звучит в современной аранжировке.

Слова написал муж, Поэт. Муж ей активно изменял — правда, любовницам неизменно говорил, что любит жену, знаю из первых рук. Не спрашивайте. К слову, любовниц этот факт не смущал, а возможно, даже стимулировал, желающих сходиться с ним налево было предостаточно. Красавец, самородок, талант, да ещё и приличный мужик. Декларирует любовь к жене, и не только в стихах.

В глубине души мы, женщины, считаем, что измена физическая наносит меньше урона супружнице, чем измена словесная, то есть та, где мужчина фактически не изменил, но проманифестил посторонней гражданочке, что любит её или что, допустим, жену свою не любит. Который из двух заочных вербальных абьюзов оскорбительнее для второй половины — дело вкуса.

Жену свою Поэт, кстати, ревновал до смешного, хотя она поводов не давала. Надолго не уезжал, боялся, что жену уведут, а когда жене позвонил бывший,

внезапно овдовевший муж, ну чисто водичку потрогать, чего, как — скандал устроил грандиозный. Мила долго объясняла, что отец старшей дочери, с которым они лет 15 не виделись, отбивать точно её не собирается, а просто хотел уточнить статус, ибо начинать поиск новой невесты — дело хлопотное, и хочется менее затратного пути. Но Поэт объяснений не принял, с бывшим мужем говорить запретил категорически. На любые темы.

Кстати, Мила была постарше Поэта на пару-тройку лет. Историю автобусного знакомства разведёнок с ребёнком и студента из пригорода стала историей любви и успеха. Всё по науке жизни: сначала любовь, потом успех, в том числе финансовый. Мила не работала и вела красивую жизнь: музицировала и брала уроки пения, шила одежду у портних и в ателье, отдыхала летом в Домах творчества, а весной — в санатории. Поэт с гордостью говорил: «Моя жена — просто Женщина». О том, что быть любимой женщиной успешного мужчины — отдельная профессия, требующая изначальных способностей и серьёзной подготовки, никто в те затёртые годы не знал. «Повезло», — думали менее удачливые товарки, не задумываясь, что везение — это просто форма признания мира. Ну да ладно.

С Милой я познакомилась в Коктебеле в лето, когда окончила университет. Обстоятельств знакомства не помню. У меня был трехдневный отпуск, а также масса нерешённых задач и нереализованных амбиций. Расслабленные отдыхающие не особо меня интересовали, это были люди из другой временной шкалы. Так вот, я не помню, с чего вдруг я за три дня вылила на вчера незнакомую Милу все свои сомнения, вопросы и задачи момента. Что было в ней такого, что хотелось сесть рядом и не отпускать, пока не вывалишь весь ком непрожеванных проблем? Сильный материнский инстинкт или потенциал реализованной женщины? Не знаю. Дружить с Милой хотели все — от мала до велика, мужчины, женщины, старики и дети. Не зря Поэт боялся, что Милу уведут.

В следующий раз с Милой я пересеклась года через четыре, она была проездом в Москве. Ну, это у неё прошло четыре года, а у меня, наверное, четверть жизни в эквиваленте. Меня опять терзали сомнения и вопросы, необходим был разбор полётов. Терапевтический эффект я почувствовала, но системный запрос Мила уже не тянула. Больше я к ней не лезла. Молодость сурова к чужим несовершенствам и скоро на безапелляционные умозаключения. Хотя вы знаете, одну Милину реплику из той встречи я запомнила крепко, даже не реплику, так, курсив. Про любовь. Не помню даже к чему. Просто в какой-то момент Мила вдруг удивилась, что с позиции нынешней себя не видит такой уж большой разницы, прожила бы всю жизнь с первым мужем, за которого выскочила в 18, чтобы уйти из мачехино дома, и которого не любила ни дня, или с Володей, встретив взгляд которого, сразу поняла, что это и есть главная встреча жизни. Мне было непонятно, о чём она, ну то есть все слова

понятны, а смысл — нет. Но на будущее я запомнила. Будущее давно наступило. И отвертеться от понимания у меня не получится. Народная мудрость гласит, что любая машина рано или поздно становится Опелем. Народная мудрость молчит, что любой человек рано или поздно становится обывателем. Хотя, конечно, не любой. Вот у Милы — получилось не стать.

Всё, что произошло дальше, можно попытаться объяснить простыми вещами, но мы не будем. Лет эдак через пятнадцать после нашего знакомства в Коктебеле Поэт и Мила расстались. Поэт ушёл к молодой, а точнее — к 40-летней секретарше, но ушёл не просто так. Мила поговорила с Поэтом. «Зая, — сказала она ему, — ты с Юлей уже 10 лет. Она тебя любит, замуж так и не вышла. Ей надо успеть родить». Наверное, так можно сделать только от полноты женской реализации. Это как уйти со сцены добровольно, на пике славы. Поэт, кстати, не собирался уходить ни к какой Юле, но после разговора деваться ему было некуда. Ушёл. Юля, кстати, рожать не стала. Как оказалось, нереализованные амбиции Поэта лежали совсем в иной плоскости, чем престарелое отцовство. Поэт пошёл в политику. Ненадолго. Походы в политику на постсоветском пространстве — это такая блиц-эмиграция с заездом в КПЗ. У Поэта дело заняло пару лет, включая полугодовое заточение в казематах, что в моменте, кстати, было реально стрёмно. То, что ходить носить передачи, а потом организовывать быстрый отъезд на чужбину и хлопотать в инстанциях, выпало здоровой и неразродившейся Юле, была удача, Милина предоплаченная удача, ну — или тонкий расчёт. На наш выбор.

Мила уезжать никуда не хотела, ведь песню, посвящённую ей, всё ещё помнит та большая страна.

Глава 10

Экзамен по истории

Окончив школу, я поехала в Москву, хотя до последнего момента не была уверена, куда буду поступать, то есть — на какой именно факультет университета. Была разработана сложная комбинация с планом А-В-С, при которой можно успеть забрать и перекинуть документы три раза за вступительное лето. Детальями грузить не буду. Так вот, первым туром я подала документы на филфак, отделение классической филологии. Не спрашивайте. Сама не поняла. Сочинение я написала на 4, устный профильный сдала на 5, а следующим был экзамен по истории.

Это была закавыка. Историю я не знала, в том смысле, что мне казалось, знать там нечего. Как говаривала наша историчка, она же классная руководительница, «главное, ребята, не знание, главное — убеждение», так вот, в этом

контексте я вполне знала предмет. Уроки истории я старалась использовать для чего-нибудь внятного, ну хотя бы — порешать математику на завтра. И тут выяснилось, что стандарты для поступления в главный вуз страны были всё же повыше, чем в провинциальной школе. Поняла я это за пару дней до экзамена, когда сходила на урок к платному репетитору из МГУ. Поняла, что не особо готова. Точнее — не готова вообще. Но поскольку экзамен — устный и с историей может ведь просто подфартить, если попадётся тема, которую я случайно знаю, то попробовать стоит.

В квартире мы были вдвоём с мамой, вся большая семья плотно сидела на даче, так вот: за обедом неожиданно возникла тема. Про Гумилева Льва Николаевича. Возможно, что именно моя подготовка к экзамену по истории навела маму на это имя. Со словом «этногенез» я, девушка из интеллигентной семьи, была смутно знакома, хотя сама и не читала, да и не то чтобы планировала. Лев Николаевич скорее интересовал меня как феномен в рамках наблюдений курса практической генетики, что получилось в результате союза двух несомненных талантов — Ахматовой и Гумилева. Обычно, сами знаете, таланта уже одного родителя хватает на то, чтобы из ребёнка гарантированно ничего не получилось. Наука история представлялась мне пустым набором эклектичных фактов, который каждый трактует по собственному усмотрению. А отсутствие внятного прогностического взгляда историков на будущее — фактом, что сама по себе история — ну никак не наука, в лучшем случае — дисциплина, культурный багаж образованного человека. Ладно, отвлеклась. Так вот, в отличие от меня, мама почему-то историю знала и «Этногенез» читала. Видимо, своим энтузиазмом подготовиться к экзамену по истории за два дня я разбередила в маме мысль о том, что ей два незнакомых между собой человека дали телефон Льва Николаевича, но строго-настроено запретили на них ссылаться. Последнее, кстати, позитивно характеризовало единственного отпрыска Великих Поэтов, ибо обоих маминых корешей я неплохо знала. Короче, мама хотела позвонить, но не знала, что сказать и на кого сослаться. «Говно вопрос», — сказала бы я сейчас, аналог тогдашнему «давай я позвоню и представляюсь тобой, чего терять?». Моя собственная задача — за два дня хоть что-нибудь выучить из курса истории, которую я, как выяснилось, совсем не учила четыре года, казалась мне много сложнее. Да, пожалуй, так-то оно и было.

Гумилеву реально позвонила я и, не давая вставить слово в ответ, представившись мамой, сказала, что у меня к нему совершенно безотлагательный вопрос, мол, где мы сегодня можем встретиться. От моего 16-летнего напора Гумилев слегка прибалдел и предложил встретиться в 18.00 около его дома.

Итак, мама рассеянно собиралась на встречу, а я провожала её сомнительным взглядом. Конечно, мне хотелось бы поехать с ней, было крайне

любопытно послушать, как мама будет выкручиваться со срочным вопросом и вообще, но система моих приоритетов не предполагала спонтанности и отходов в боковые сюжетные линии. Так что мне пришлось вернуться к своим учебникам.

С вопросом, который требовал срочной встречи, маме удалось выкрутиться, задав вопрос, как и когда именно родилась теория этногенеза. Великий человек, видимо, давно научился снисходительности к людям и не стал прикапываться. Аудиенция длилась пару часов, на ужин мама оставаться постеснялась, так как ничего не принесла к чаю, да и так уже злоупотребила временем 74-летнего создателя теории пассионарности, чьим именем стали называть горные вершины, школы, аэробус и центральной университет в столице сопредельного государства. Но для всего этого пришлось сначала умереть. А в тот июльский вечер не было ни одного знака, который предвещал бы такое развитие грядущих событий, закольцованного с туннельным переходом импульса кванта энергии жизни уже свершившейся судьбы.